

pated in and shaped their respective worlds. Michael Stanislawski offers a tentative comparison of the Jewish and Muslim Enlightenment movements, looking at the ways in which reformers Judah Leib Gordon and Ismail Bey Gasprinskii came to terms with the attractions, challenges, and dilemmas of modern existence. David Shneer's chapter is a wonderful exploration of how two Jewish photojournalists celebrated the Soviet Union's commitment to the brotherhood of nations in the Far East, while at the same time wrestling with the tensions and demands of modern life. Both chapters offer a glimpse of the possibilities of doing comparative history, and will surely serve as the point of departure for any future work on the topic.

Алена МАРКОВА

Per Anders Rudling, *The Rise and Fall of Belarusian Nationalism, 1906–1931* (Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015). 436 pp., ill. Selected Bibliography. Index. ISBN: 978-0-8229-6308-0.

Книга Пера Андерса Рудлинга “Возникновение и падение белорусского национализма, 1906–1931” посвящена формулированию и воплощению первых современных проектов белорусской нации. Автор последовательно анализирует историю возникновения представлений о самостоятельной белорусской культурной, а затем и политической идентичности (главы 1-2). Описывает первые попытки провозглашения белорусской государственности после 1917 г. (глава 3), проведение политики коренизации в БССР (глава 4) и развитие белорусского национализма в межвоенной Польше (глава 5). Затем автор сосредотачивается на противодействии политике белорусизации в БССР (глава 6), подавлении белорусского национализма в Польской республике (глава 7) и уничтожении национального проекта белорусских коммунистов в СССР (глава 8).

Предназначенная для западной аудитории, книга носит характер скорее обзорной монографии. Читатель, не знакомый с историей

Беларуси, почерпнет в ней подробные сведения о белорусской новейшей истории: серию попыток создать самостоятельную республику (БССР, ССРБ, БНР), разделение белорусских территорий по итогам Рижского мирного договора 1921 г., белорусскую политическую мобилизацию на территории Западной Беларуси в 1926 г. (прежде всего, в результате деятельности Белорусской крестьянско-рабочей грамады) и т.д. Попутно в исследовании упоминаются и другие местные национальные проекты, прежде всего – развитие еврейской культуры в рамках идишизации.

В этом отношении вклад книги Рудлинга в развитие белорусских исследований неоспорим. Многие идеи и выводы книги не вызывают возражений – например, о том, что формирование белорусской государственности было результатом взаимодействия внешних факторов и сил, которыми двигала не столько поддержка белорусской нации, сколько соображения *Realpolitik* (Р. 5). Однако многие заключения автора представляются нам, по меньшей мере, спорными. Поэтому главное внимание в данной рецензии будет сосредоточено на наиболее, с нашей точки зрения, проблематичных моментах исследования Рудлинга, которые заслуживают более пристального рассмотрения.

Перед тем, как перейти к конкретным замечаниям, уточним концептуальные положения книги. Опираясь на теории Э. Кедури и Б. Андерсона, Пер Рудлинг называет “белорусскими националистами” всех, кто поддерживал идею создания и укрепления белорусского национального государства (Р. 16). Белорусский национализм автор анализирует с позиций буквального конструктивизма. Уже в самом начале книги Рудлинг сообщает, что целью его исследования является изучение “изобретения Беларуси” (*invention of Belarus*), начиная с момента воображения (*imagination*) ее реальности на рубеже XX в., сквозь череду провозглашений белорусской республики в той или иной форме в межвоенный период и заканчивая конструированием (*construction*) национальных традиций, культуры и институций (Р. 3).

В качестве теоретической основы для описания белорусских национальных процессов Рудлинг использует концепцию трех фаз национального движения Мирослава Гроха. При этом, согласно Рудлингу, первая фаза “А” (так называемая фаза “научного интереса”) охватывает период 1906–1915 гг. Вторая фаза “В” (активная национальная агитация) приходится, главным образом, на период 1915–1926 гг., отмеченный

ростом национальных инициатив по обеим сторонам советской границы: политическую мобилизацию в Западной Беларуси, становление молодой советской республики и проводимую на ее территории национальную политику белорусизации. Именно этому периоду уделено в книге главное внимание.

Сложнее обстоит дело с третьей фазой “С” – фазой массового национального движения, по Гроху. Согласно Перу Рудлингу, эта фаза была достигнута только на территории Западной Беларуси в составе Польши. Там деятельность Беларускай крестыянско-рабочей грамады – одной из самых массовых белорусских политических организаций – отличалась небывалой массовостью, сочетая белорусский национальный активизм и радикальную левую политику (Р. 191). В принципе, такой вывод соответствует модели Гроха, который считает, что в ситуации недостаточно отчетливой национальной идентичности ключевым условием массовой политической мобилизации становится упор национальной агитации на насущные социально-экономические проблемы населения.¹ Однако возникает вопрос – является ли За-

падная Беларусь середины 1920-х годов именно тем случаем? Массовая фаза (С), по сути, означает прохождение точки невозврата в развитии национального движения. Почему же тогда белорусское национальное движение в Польше было буквально повернуто вспять после насильственного разгона Грамады польскими властями в 1926 г.?

Согласно Рудлингу, в отличие от Западной Беларуси, на советской территории национальная агитация так и не перешла в активную массовую фазу “С”. Он считает белорускую национальную идентичность несформировавшейся в первые десятилетия XX в., и с этой точки зрения подходит к оценке советской национальной политики межвоенного периода. Проведение национальной политики белорусизации (1924–1929) явилось следствием того, что “власти решили наполнить молодую республику ‘национальным’ содержанием как средством консолидации советского режима (*power*)” (Р. 6). Эта трактовка национальной политики в советской Беларуси не нова. Рудлинг придерживается распространенного в современной западной историографии пред-

¹ Иначе говоря, решающую роль в массовой мобилизации играет наличие острого конфликта интересов, резонирующего с национальной повесткой (*nationally relevant conflict of interests*). См. Miroslav Hroch. *European Nations: Explaining their Formation*. London, 2015. Chapter 7.

ставления о том, что политика национализации и коренизации являлась тактическим решением большевиков, использовавших национальные стремления местных элит для предотвращения развития центробежных тенденций на национальных окраинах бывшей Российской империи. Сходного мнения о целях национальной политики 1920-х гг. придерживаются также Рональд Суни, Юрий Слезкин, Терри Мартин и ряд других исследователей советской политики. В БССР национализация (беларусизация) сопровождалась политикой коренизации.

Беларусизация и коренизация, по мнению Рудлинга, были взаимосвязанными компонентами советской политики, преследовавшей цель преобразовать доименные (“колониальные”) народы в советских граждан, полноценных участников советского проекта (Рр. 142-143). При этом коренизация (*indigenization*) была попыткой “укоренения” политики большевиков в национальных республиках, а беларусизация стремилась закрепить приоритет беларуского языка в системе образования и государственного управления БССР. Одновременно беларусизация являлась составной частью экономической модернизации и трансформации, в рамках которой создание беларуской “нации” (*construction of a Belarusian*

“nation”) рассматривалось как элемент социалистической модерности (*socialist modernity*) (Р. 143). Согласно Рудлингу, большевики верили в возможность конструирования новой национальной идентичности, хотя их представления о критериях национальной принадлежности базировались на примордиалистских представлениях. На основании этих представлений они считали отдельную беларускую нацию реальностью задолго до того, как в это поверило большинство самих беларусов (Р. 163). При этом сознательная беларусизация рассматривалась большевиками не только как средство укрепления советской власти на национальной окраине, но и как политика, способствующая социальным преобразованиям. Поэтому коренизация и беларусизация продвигали тип идентичности, объединявшей набор желательных классовых и этнических элементов (Р. 309).

В условиях отсутствия ярко выраженной национальной идентичности среди широких слоев беларуского населения было принято решение осуществить беларуское национальное строительство административно-бюрократическими методами (Р. 212). Следуя идее Гердера о национальном языке как важнейшем компоненте национальной культуры, большевики сосредото-

чили основные усилия именно на поддержке белорусского языка (Р. 125). Вслед за Фрэнсин Хирш Пер Рудлинг полагает,² что экспертная оценка советских этнографов играла более значительную роль в очерчивании границ белорусской нации, чем самоидентификация местного населения, не разбившегося в современном понятии этничности и не имевшего национального самосознания в современном смысле этого слова (Р. 161).

По мнению Рудлинга, белорусская национальность “приписывалась” местному населению “сверху” усилиями чиновников и экспертов, руководствовавшихся соображениями внутренней и внешней политики в значительно большей степени, чем потребностями коренного населения (особенно на присоединенных к БССР в рамках укрупнения 1924 и 1926 гг. территориях), поэтому белорусизация вызывала в обществе оправданное сопротивление. Большевики и белорусские национальные деятели преследовали общую цель наложения новой модели этноязыковой идентичности на домодерную религиозную идентичность (Рр. 161-162). На основании этнографических оценок, сделанных под влиянием политических интересов без уче-

та самоидентификации местного населения, целые регионы были переопределены как белорусские (Р. 221). Само белорусское население республики в большинстве не было заинтересовано в национальной политике, на что власти ответили еще более жесткими методами ее проведения (Р. 209). Насильственный характер белорусизации особенно ярко проявился при укрупнении БССР в 1924 и 1926 гг., когда лишь незначительная часть новых граждан республики смогла овладеть получившим не так давно официальный статус белорусским языком. Несмотря на это, “не в меру усердные национальные коммунисты” заставляли местное население менять язык против собственной воли (Р. 210). Поэтому укрупнение привело к значительному увеличению массы недовольного населения, часто питавшего отвращение (*detest*) к своей новой, приписанной “сверху” белорусской национальности и оказывавшего массовое сопротивление проводимой властями политике белорусизации (Р. 217).

Не признавая права на добровольную ассимиляцию, которой отдавало предпочтение население республики, советская власть насильственно приписала и многих русскоговорящих жителей

² См. подробнее Francine Hirsch. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca, 2005.

городов к беларусам, подобно тому, как это уже произошло с беларускоговорящим населением в окрестностях Минска (Р. 162). Также было проигнорировано искреннее беспокойство населения из-за того, что насильственная беларусизация может привести к ограничениям коммуникации, а значит, поставить людей в невыгодные условия. Эти опасения отмечались властями как проявление великорусского шовинизма. Таким образом, большая часть населения БССР была вынуждена пользоваться незнакомым им ранее языком, который не соответствовал языку их повседневного общения. Перевод школьного обучения с русского языка на беларуский или на идиш заставлял, по мнению Рудлинга, одновременно менять и национальность в соответствии с требованиями властей, при этом личные предпочтения в расчет, конечно же, не принимались. Методы осуществления национальной политики, которые исследователь называет деспотичными (*heavy-handed*), вели к возникновению раздробленного и громоздкого общества (*fractured and unwieldy society*), в котором натравливались друг на друга различные группы интересов (Р. 162).

На протяжении всего исследования Пер Рудлинг неоднократно подчеркивает, что проведение беларусизации не имело ничего

общего с интересами населения республики и главными выгодоприобретателями этой политики было не общество, а клика одержимых национальных активистов. Под прикрытием массовой беларусизации они смогли осуществить сразу несколько своих целей. Одной из них была возможность осуществления программы БНР при поддержке советской власти, другой – стимулирование просоветского сепаратизма на территории Западной Беларуси в составе Польши. При этом, логика политики беларусизации поощряла их занимать все более агрессивную и независимую от Москвы позицию. Главной целью лидеров беларуского национализма являлось конструирование беларуского национального самосознания.

Еще радикальнее выводы автора о последствиях беларусизации для национальных меньшинств БССР. По мнению Рудлинга, давление властей вызывало сопротивление в среде нацменьшинств, которые особенно остро ощущали дискриминацию и растущую социальную изоляцию. Автор использует термин “геттоизация” (*ghettoization*), которым характеризует, к примеру, насильственную отправку детей в школы с родным языком обучения, насаждение национальных языков (польского и идиш) против воли

учащихся, обязательную сдачу вступительных экзаменов на государственном (беларуском) языке и т.д. Он подчеркивает беспокойство еврейского населения из-за того, что еврейские дети, принудительно отправляемые в еврейские школы (где обучение велось на идише), оказывались в невыгодном положении (Р. 210).

Столь радикальные выводы и решительные формулировки, встречающиеся в книге, подтверждаются совсем немногочисленными для такого рода исторического исследования архивными свидетельствами (особенно в разделе, посвященном БССР межвоенного периода). Автор опирается преимущественно на вторичную литературу, прежде всего – работы Терри Мартина, Ростислава Платонова, неопубликованную диссертацию Бес Йокум (*Beth Baird Yocum*) и т.д. Кроме того, встречаются ссылки на опубликованные архивные партийные материалы. По нашему мнению, источниковая база исследования совершенно недостаточна для того, чтобы радикальный ревизионизм автора выглядел вполне убедительно.

Так, утверждение о чуждости широким массам беларусо-говорящего населения (*native Belarusian speakers*) беларуского литературного языка, сконструированного национальными ин-

теллектуалами, подтверждается лишь ссылкой на работу Йокум, которая сама исследовала некоторый корпус архивных материалов (Р. 216). Однако в архивах можно найти еще больше свидетельств, подтверждающих обратное. В частности, в рамках кампании популяризации беларуского языка в сельской местности 1920-х гг. широкое распространение получила публичная читка беларуской литературы и поэзии в деревнях, по итогам которой крестьяне оставляли отзывы. В “сконструированном литературном языке” они нередко узнавали *свой* язык повседневного общения и даже требовали впоследствии открытия беларуских школ. Типичным примером является следующая резолюция крестьян Гомельской области (письмо датируется сентябрем 1926 г.):

Выслушав доклад т. Лапицкого и чтение беларуской литературы, актив деревни Серовка [далее перечисление лиц] подтверждает, что жители нашей деревни разговаривают на беларуском языке, подобном тому, на котором написаны прочитанное нам стихотворение и статьи, и что обучение наших детей на родном языке должно быть намного более легким. Поэтому актив считает не-

обходимым осуществить перевод школы, начиная с первого класса, на белорусский язык.³

Кроме того, жители деревни просили открыть белорускую избу-читальню и прислать в нее избача, хорошо владеющего литературным белорусским языком. Из другого сообщения того же периода:

в избе-читальне была проведена беседа с крестьянами [дер. Б. Щербиничи] на белоруском языке, а также были прочитаны два рассказа из жизни крестьян. ... Крестьяне были заинтересованы беседой и подтвердили, что им все понятно и что это написано *по-нашему*.⁴

В архивах сохранилась масса подобных свидетельств (заявлений, писем) из многих деревень разных областей БССР.⁵

Рассмотрим теперь не отсутствующие (к сожалению) в монографии Пера Рудлинга источники,

а те, на которые он ссылается. Найти цитируемые в тексте оригинальные фрагменты по ссылкам бывает нелегко, поскольку часто указанные номера страниц не соответствуют страницам цитируемого оригинала. Например, отсылающая к публикации У. Коршука и Р. Платонова сноска указывает на с. 68, хотя цитируемая информация находится на с. 65 (Р. 278, п. 6). А ссылка на тех же авторов для обоснования тезиса принципиальной важности – “национализация” БССР была более успешной, чем в ряде других регионов СССР” (Р. 229) – вообще ведет в никуда. Сами Платонов и Коршук по этому поводу в другом месте своей книги высказывают прямо противоположную мысль: “беларусизация не была явлением, присущим только БССР. Такая же политика проводилась во всех национальных республиках и регионах СССР с учетом их особенностей”.⁶ В книге С. Крушинского, цитируемой Рудлингом, не содержится приписываемых ей сведе-

³ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 42. Оп. 1. Ед. хр. 275. Л. 259.

⁴ НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Ед. хр. 275. Л. 272.

⁵ НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Ед. хр. 275. Л. 269об., 273–273об., 274, 278, 279–279об., 281, 283. Кроме того, ряд таких писем из деревень (Гомельской и др. областей) регулярно публиковались в “Асьвеце”, см., напр., В. Сьмігельскі, Я. Троська. Беларуская культурна-асьветная справа на Гомельшчыне // Асьвета. 1926. № 6. С. 174–177. Более подробно см. также Alena Marková. Sovětská bělorusizace jako cesta k národu: iluze nebo realita? Praha, 2012. Kapitola 5.

⁶ Беларусізацыя. 1920-я гады: Дакументы і матэрыялы. / Сб. дак. Пад рэд. У. К. Коршук і інш. Мінск, 2001. С. 13.

ний (Р. 296).⁷ Книга М. Костюка не подтверждает утверждение ссылающегося на нее Рудлинга о том, что ГПУ идентифицировало 108 участников деятельности Союза освобождения Беларуси – корректнее сказать, что такой информации у Костюка вообще не содержится (Р. 297).⁸

Подобные ошибки можно считать техническими. Куда существеннее неоднократно обнаруженные нами в монографии принципиальные смысловые искажения в передаче сведений источников (как первичных, так и вторичных). Рассмотрим несколько примеров, когда некорректное цитирование автором используемого источника приводит его к произвольным выводам.

Один из таких примеров можно найти в главе “Сопrotивление белорусизации”. Пер Рудлинг утверждает, что множество жителей присоединенных к БССР в 1926 г. территорий (Речицкий и др. районы) не только не считали себя беларусами, но и предпочитали в общении русский язык, выступая против насильственной белорусизации (Р. 213). “Учитывая незначимость [населения] с этнической идентичностью, местные жители считали себя не-беларусами, по-

скольку территория, на которой они проживали, не была включена в границы восстановленной в 1920 г. ССРБ” (Р. 213). Делая это важное обобщение, Пер Рудлинг ссылается на исследование Михаила Костюка, посвященное изучению национального состава Гомельщины (Гомельского и Речицкого поветов) комиссией Я. Петерса в сентябре 1926 г.⁹ Однако сам Костюк пишет несколько о другом:

Население Уваровичской волости в своей основной массе беларуское, разговаривает на простонародном беларуском языке с большой примесью русских слов. В Чечерской волости беларуский язык особенно сильно русифицирован. При исследовании Добрушской бумажной фабрики комиссия установила, что большинство рабочих составляют местные крестьяне, 60% из них являются беларусами, разговаривающими преимущественно на русском языке, и что процесс обрусения зашел здесь особенно далеко. ... Общие выводы комиссии сводились к следующему: на обследо-

⁷ См. S. Krushinsky. *Byelorussian Communism and Nationalism: Personal Recollections*. New York, 1953. P. 30.

⁸ См. М. Касцюк. *Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі*, Мінск, 2000. С. 43.

⁹ Там же. С. 44.

ванных территориях преобладает простонародный белорусский язык с большой примесью русских слов и отсутствует национальное самосознание. Большинство населения отрицательно относится к политике белорусизации, меньшинство к ней индифферентно. И только некоторые представители населения политику поддерживают.¹⁰

Из сказанного никак не следует, что “местные жители считали себя не-белорусами”, и что связано это было с проведением административных границ. На такой же, крайне произвольной, интерпретации источников основываются и многие другие важные выводы книги Рудлинга:

Считая национализацию необходимым условием модернизации, советские власти в 1920-х проявляли бескомпромиссную враждебность даже по отношению к добровольной ассимиляции в культуру русского большинства. Росчерком пера миллионам людей приписали новую этничность и новую национальность. ... Перенос [новых территорий в БССР в 1926 г.] был осуществлен независимо от желания или

согласия самих будущих белорусов. Расширение республики, таким образом, увеличило массу неудовлетворенных людей, которые часто воспринимали с отвращением свое зачисление в белорусы и сопротивлялись политике белорусизации. Особенно сильным сопротивлением было на востоке [БССР]. Люди в Орше жаловались, что белорусизация ограничивает их социальную мобильность. ... Рекламирывать привлекательность языка, на котором говорили преимущественно неграмотные крестьяне, оказалось нелегкой задачей”, – заключает автор (Р. 217).

Обратимся к немногочисленным конкретным примерам, приведенным автором в поддержку столь широких обобщений, – упоминанию реакции неких людей из Орши. В тексте указывается, что эти сведения Рудлинг почерпнул из сборника материалов под редакцией Владимира Коршука и Ростислава Платонова. В сборнике можно найти перепечатку статьи председателя ЦИК БССР Александра Червякова “В поездке по Оршанщине”, опубликованной в газете “Советская Беларусь” от

¹⁰ См. Там же. С. 44.

26-28 мая 1926 г.¹¹ При обращении к статье Червякова обнаруживается, что на указанной Рудлингом странице население Орши вообще не упоминается (в очередной раз ссылка на источник приведена неверно). Более существенным, однако, является то, что – независимо от реального отношения разных групп населения к беларусизации – Александр Червяков в статье отстаивает совершенно другой тезис:

всем хорошо известно, какое отношение к беларусизации было на Оршанщине со стороны разного рода аппаратов. В начале беларусизация была “пугалом”, которым пугали малых детей. Опиралось все это на злостную агитацию несознательных и чуждых советской власти элементов, которые спали и во сне видели, как же вернуть “единую и неделимую Россию”. Каждый честный человек хорошо понимает, что “беларусизация” – это, в первую очередь приспособление партийного и

других аппаратов к языку самого населения города, деревни, местечка.... . Но страх перед такой новой постановкой вопроса после многих веков угнетения и прививки мысли о том, что без “русского языка” в люди не выйти, был, конечно, силен. Поэтому в первые дни с беларусизацией было трудно. Переходить на ее путь нужно было осторожно. Пошла Оршанщина тихо и без шума по этому пути. Сейчас же можно уже рассказать и об успехах ...¹²

Несколькими страницами далее Рудлинг ссылается на фрагмент доклада первого секретаря ЦК КПБ(б) Вильгельма Кнорина от 24 ноября 1927 г.¹³ В стенографии доклада Кнорина можно прочитать следующее:

Наше положение осложняется двумя факторами: во-первых, значительная часть беларуских рабочих в городе русифицирована, прошла русскую школу и поэтому не может

¹¹ См. ссылку в монографии Рудлинга на: 3 артыкула старшыні ЦВК БССР А. П. Чарвякова “У паездцы па Аршаншчыне” (Савецкая Беларусь. 1926. 26-28 мая) // Беларусізацыя. 1920-я гады: Дакументы і матэрыялы / Сб. дак. Пад рэд. У. К. Коршук і інш. Мінск, 2001. С. 148.

¹² 3 артыкула старшыні ЦВК БССР А. П. Чарвякова “У паездцы па Аршаншчыне”. С. 147-149.

¹³ С полным текстом доклада можно ознакомиться в сборнике Беларусізацыя. 1920-я гады: Дакументы і матэрыялы. С. 119-121.

пользоваться книгой на родном языке. Значительная часть еврейских рабочих в межнациональных отношениях привыкла использовать русский язык. Во-вторых, значительная часть крестьян владеет русской грамотой, но при этом знает мало русских слов, по причине чего является полуграмотной.¹⁴

Вот как истолковал эти слова Пер Рудлинг:

Беларусы владели русской грамотой, но часто обладали ограниченным словарем. Беларуские евреи были в высокой степени русифицированы и переклювались на русский в неидишеговорящей среде, **в то время как существенная часть евреев вообще отказалась от идиша ради русского языка** [выделено автором рецензии] (Р. 225).

Как бы ни обстояло дело в реальности, эти обобщения Рудлинга никак не следуют из текста источников, на которые он ссылается. То же самое можно сказать об искаженной интерпретации доклада первого секретаря ЦК КП(б) БССР А. Криницкого – в

той части, где Криницкий дает оценку отношения партии к до-революционному беларускому национализму и его отражении в “Истории Беларуси в XIX – начале XX вв.” В. Игнатовского (Рр. 237-238) и т.д.¹⁵

Скудность исторических источников, используемых автором для доказательства своих выводов, и неадекватность толкования даже тех, на которые он ссылается (как в приведенных выше примерах), подрывает доверие к обобщениям Рудлинга. Так, хотелось бы увидеть более убедительную аргументацию тезиса о том, что расширение территории БССР привело не к укреплению (как планировалось), а ослаблению позиций национальных коммунистов. Или утверждения о том, что в некоторых областях БССР беларуские католики отказывались посылать своих детей в беларускоязычные школы, требуя вместо этого открытия отдельных школ с польским языком обучения (Р. 227).

В последнем случае проблема не в бездоказательности выводов автора, а в том, что выводы эти делаются на основании не полностью рассказанной (или восстановленной) им истории. Действительно, в целом ряде ар-

¹⁴ З доклада першага сакратара ЦК КП(б)Б В. Г. Кнорына “Справздача ЦК XI З’езду КП(б)Б” // Беларусізацыя. 1920-я гады: Дакументы і матэрыялы. С. 120.

¹⁵ Ср. текст оригинала в: Беларусізацыя. 1920-я гады: Дакументы і матэрыялы. С. 117-118.

живных источников упоминаются требования католиков открыть школы на польском языке (речь идет, прежде всего, о регулярных отчетах школьной инспекции НККА БССР). Но дальше в этих источниках прослеживается продолжение истории языкового конфликта: большинство открытых по требованию католиков школ вскоре переводились обратно на белорусский язык обучения, поскольку учителя отмечали, что учащиеся не понимают польского языка.¹⁶ Подобные случаи встречались как в Полоцкой, так и в Гомельской областях, т.е. как в восточных, так и в западных регионах республики. Поэтому было принято решение существующие польские школы для белорусских католических учеников постепенно перевести на белорусский язык обучения с сохранением обязательных часов изучения польского языка.¹⁷ Для этого создавались специальные комиссии в составе инспектора социального воспитания, инспектора польской культуры и заместителя культурно-просветительской деятельности местного райисполкома.¹⁸

Подчеркивалось, что переход на белорусский язык обучения должен был осуществляться постепенно и ненасильственно и лишь с согласия родителей учеников.¹⁹ Считалось необходимым разъяснение населению причин перехода школы на родной (в данном случае белорусский) язык учащихся.²⁰ Все эти обстоятельства, проигнорированные Рудлингом, значительно затрудняют любые упрощающие обобщения и демонстрируют необходимость более широкого исследования источников и более нюансированного анализа.

Проявляя односторонность в подборе фактов и материала, автор, вольно или невольно, формирует искаженную историческую картину, игнорирующую многогранность и многоуровневость описываемых им процессов. Так, очевидно, он не вполне отдает себе отчет в степени переплетения “национального” и “классового” в политике 1920-х гг., проводившейся в поликультурной БССР (хотя и фиксирует параллельное развитие этих факторов). Об этом можно судить по тому, как в книге

¹⁶ См., напр., отчеты по Полоцкой области за 1926 г.: НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 104; по другим областям: Ф. 701. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 104; Ф. 42. Оп. 1. Ед. хр. 275, Л. 263–263 об.

¹⁷ Резолюция Пленума ЦК КП(б)Б (25–29 января 1925 г.). Минск, 1925. С. 7.

¹⁸ НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 31 об.

¹⁹ Аб нацполітыцы. Рэзолюцыя пленуму ЦК КП(б)Б. Кастрычнік 1925 году // Паста новы і рэзолюцыі УсеКП(б) і КП(б)Б па нацыянальным пытаннях. Менск, 1926. С. 62.

²⁰ НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 31 об.

рассказывается о влиянии беларусизации на высшее образование в республике. Беларуский государственный университет был открыт в октябре 1921 г., и с самого начала он оказался на переднем крае проведения советской политики. Рудлинг пишет, что в 1925 г. беларусы составляли лишь 40% студентов университета, а спустя год их доля возросла почти до 60%, о чем в январе 1927 г. с удовлетворением рапортовал секретарь ЦК КП(б) БССР Криницкий (Р. 234). Известно, что причиной резкого скачка стало введение 50-процентной квоты на прием студентов крестьянского происхождения в 1925–1926 учебном году.²¹ В условиях традиционного “этноконфессионального разделения труда” в регионе это почти автоматически означало прием студентов беларуского происхождения. Правда, столкнувшись с низким уровнем подготовки принятых студентов, квоту вскоре официально отменили в большинстве ВУЗов республики (кроме Коммунистических университетов). На практике дискриминация по классовому принципу продолжала проводиться, но это отдельная комплексная тема. Главное же, что Пер Рудлинг игнорирует даже эту, внешнюю

канву событий, сообщая читателям, что причиной роста числа студентов-беларусов стала “национализация” университета, гонения на носителей русского языка и массовое исключение студентов с недостаточным знанием беларуского языка.

Недостаток его интерпретации – именно однобокость, примитивизация реальности. История университета, казалось бы, предоставила ему возможность показать наглядно – не на уровне абстрактных деклараций – как классовая политика перетекала в национальную и наоборот (это были не просто два отдельных направления). Искусственное выделение исключительно национального аспекта просто малоинформативно: зачем было “национализировать” университет, который с самого начала был создан как главный ВУЗ национальной республики? Гораздо важнее прояснить менее очевидные аспекты советской политики: вопрос субъектности преобразований, систему альянсов и компромиссов, которые приходилось заключать разным группам. Не удивительно, что введение беларуского языка в университетское преподавание встречало сопротивление многих профессоров (Р.

²¹ О приеме в высшие учебные заведения БССР в 1925–26 учебном году: Постановление СНК БССР, 22 мая 1925 г. // Собрание Узаконений и Распоряжений Рабоче-крестьянского правительства БССР. 1925. Отд. 1. № 27. Ст. 235. С. 1-2.

230) – никто никогда еще систематически не использовал этот язык на университетском уровне. Для этого вовсе не обязательно было иметь принципиально негативное отношение к белорусскому языку и культуре. Куда интереснее то, что немало преподавателей сотрудничали с ректором В. Пичетой в вопросе перевода обучения на белорусский, и ситуация различалась на разных факультетах. Можно даже говорить о массовой поддержке белорусизации на педагогическом факультете БГУ, самом многочисленном по количеству преподавателей.²²

В итоге, книга Пера Андерса Рудлинга оставляет двойственное впечатление. В не слишком богатой англоязычной историографии, посвященной прошлому Беларуси, исследование, освещающее развитие главных белорусских национальных проектов первых десятилетий XX в., может только приветствоваться. Однако доверие к обсуждению важной исторической проблемы оказывается отчасти подорвано случаями не критического отношения автора к источникам и односторонностью (если не тенденциозностью) анализа.

²² См. подробнее напр. Е. Г. Андрэева, Л. М. Лыч. Шлях і сталення. Да 70-годдзя Вышэйшага педагагічнага інстытута ў Мінску. Мінск, 2001; Alena Marková. Sovětská bělorusizace jako cesta k národu. S. 52-95.

Наталья ДОКУЧАЕВА

G. N. Trubetskoi, *Notes of a Plenipotentiary: Russian Diplomacy and War in the Balkans, 1914–1917*, translated by Elizabeth Saika-Voivod (DeKalb: Northern Illinois University Press, 2015). 248 pp., ill. Index. ISBN: 978-0-87580-726-3.*

Книга *Notes of a Plenipotentiary* представляет собой перевод на английский язык мемуаров князя Григория Николаевича Трубецкого (1873–1930), российского дипломата, возглавлявшего с 1912 г. ближневосточный отдел Министерства иностранных дел (связи с балканскими странами и Османской империей), а с 1914 г. сменившего Н. Г. Гартвига на посту российского представителя в Сербии. Кроме того, Г. Н. Трубецкой был активным политическим и общественным деятелем, публицистом. Его братьями были известные философы Сергей Николаевич и Евгений Николаевич Трубецкие.

Текст мемуаров предваряет вступление Эрика Лора, профессора российской истории и культуры Американского университета (Вашингтон), кратко

* Рецензент выражает искреннюю благодарность княжне Елизавете Сергеевне Сайка-Войвод за предоставленную дополнительную информацию по истории семьи Трубецких.